

Глава 2

— Господин Чэн.

Мягкий голос сотрудницы аэропорта вырвал Чэн Муюня из задумчивости.

— Посадка на ваш рейс заканчивается, двери скоро закроют.

— Ах, простите. Я сейчас пройду на борт, — он поднялся и направился к выходу на посадку.

[Что вы задумали?!] — вскрикнула Система.

«В сложившейся ситуации лучше на время исчезнуть. Не стоит провоцировать Юй Шаонина — иначе он точно выложит те фотографии», — терпеливо пояснил Чэн Муюнь.

[Нельзя.]

«Почему?»

Он не понимал, зачем Системе мешать ему. С его точки зрения, это был идеальный план.

«Не волнуйся. Я вернусь месяца через три, когда отношения его друга детства и Цинь Ли стабилизируются. К тому времени Юй Шаонин ради спокойствия президента Циня сам не захочет ворошить прошлое и скрывать правду».

[В прошлый раз вы покинули этот мир именно потому, что сели на этот самолет. Произошла авиакатастрофа. Ваша смерть привела к тому, что Цинь Ли так и не остался с Сун Цзинчэнем. Ослепленный горем и чувством вины, он провел остаток жизни в бесконечных сожалениях о вас. Сюжетная линия рухнула окончательно.]

Чэн Муюню нечего было возразить. Пришлось отказаться от первоначальной затеи.

«Ладно, остаюсь. Есть еще какие-то «меры предосторожности»? Лучше выкладывай всё сразу».

[Вы обязаны лично присутствовать в моменты ключевых сюжетных поворотов. Иначе механизм исправления ошибок может посчитать ваше отсутствие критическим и подстроить «несчастный случай» — например, вас собьет машина. Смерть — это пустяк, но вот повторное обрушение сюжета станет катастрофой.]

«И как я должен угадывать эти ключевые моменты?» — поинтересовался он.

[Об этом позаботилась группа планирования. Специально для вас разработана Система поиска пути — когда сюжет потребует вашего вмешательства, она автоматически приведет вас в нужное место. Кстати, сейчас как раз наступает один из таких моментов. Желаете активировать автоматический поиск?]

«Да».

Раз уж скрыться не удалось, можно было хотя бы испытать новую функцию. Как только он дал согласие, его тело само собой пришло в движение. Он встал и уверенно зашагал в определенном направлении.

Ощущение того, что телом кто-то управляет, могло бы показаться кому-то неприятным, но Чэн Муюнь не испытывал ни малейшего дискомфорта. Его не волновал процесс — лишь бы цель была достигнута. Пока Система вела его, он продолжил мысленный диалог:

«Вы создали только навигатор? Почему бы не пойти дальше и не сделать режим автопилота для заданий? Я мог бы просто одалживать вам свое тело: приходим на место, я выдаю нужные реплики по сценарию, и дело в шляпе».

Слова юноши звучали иронично, но в них была доля истины. Он считал, что такой метод был бы самым быстрым и эффективным. Программисты восстановили бы данные, а он бы скорее покинул этот мир наказания — чистая выгода для обеих сторон. Что же до временной потери контроля над собой... Какая разница. Пустая трата эмоций на такие мелочи его не прельщала.

[Мы бы и рады, но это технически невозможно. Однако у нас есть Система мониторинга прогресса восстановления — она в реальном времени показывает, насколько мы близки к цели.]

Система продемонстрировала ему простой интерфейс. На шкале красовалась цифра:

[0%]

[После каждого завершенного ключевого события прогресс будет сдвигаться вперед. Как только шкала достигнет ста процентов — мир будет считаться исправленным, и вы сможете уйти!]

«Понял. Значит, когда придем на место, я могу действовать на свое усмотрение?»

[Умоляю, — вздохнула Система, — только не натворите дел снова.]

«Но я не совсем понимаю, где проходит граница между «следованием плану» и «самодеятельностью»».

[Хорошо, я вышлю вам выдержки из оригинала. Сосредоточьтесь на сценах, где упоминается Чэн Муюнь. Образ персонажа должен оставаться безупречным.]

«А как быть с теми моментами, где мой персонаж не упоминается?»

Он вовсе не пытался спорить. Это был мир, максимально приближенный к реальности, и после его прошлых выходов ситуация в нем уже изрядно отличалась от книжной. Он не мог гарантировать, что не столкнется с главными героями в «незапланированных» сценах.

[В таких случаях вам придется опираться на общую канву сюжета и самостоятельно выбирать верную модель поведения. Вы ведь древний бог с полной памятью — должны уметь взвешивать риски, верно?]

«Само собой, — он мысленно усмехнулся. — Если бы вы не стирали мне память в прошлый раз, я бы не воспринимал всё за чистую монету и не вел себя так искренне. Так что часть ответственности лежит и на вас».

Система промолчала. Она была готова признать что угодно, лишь бы этот «божественный бамбук» наконец всё исправил.

Навигация прекратилась — он прибыл в точку назначения. Зал прибытия международных рейсов «А». Перед выходом толпились люди, ожидавшие прилетающих. Чэн Муюнь не стал выходить вперед, а вместо этого укрывшись за одной из массивных колонн, наблюдая за обстановкой.

Причина, по которой навигатор привел его сюда, обнаружилась почти мгновенно.

Главный герой-гун — Цинь Ли.

Тот, чей рост приближался к ста девяноста сантиметрам, заметно выделялся в толпе. На мужчине был темно-серый костюм в тонкую полоску, идеально подчеркивавший разворот плеч и стройную талию. Лицо с глубоко посаженными глазами, прямой переносицей и четкой линией подбородка казалось изваянным из мрамора. Его внешность внушала невольный трепет — холодная, властная красота аристократа, к которому страшно даже подойти.

Чэн Муюнь когда-то влюбился в это лицо с первого взгляда и был совершенно им очарован. Похоже, сейчас ничего не изменилось. С тех пор как он впервые вошел в Систему Преодоления Испытаний, прошли сотни лет, и он уже почти забыл, как выглядит этот человек. Но стоило увидеть его снова, как сердце на миг пропустило удар.

«До чего же хорош, — удовлетворенно вздохнул он. — Кажется, я снова в него влюблен».

[Ха. Вы же говорили, что у вас нет сердца. Как можно любить без сердца?] — Система не

пыталась язвить, она искренне не понимала хода мыслей этого странного существа.

Чэн Муюнь коснулся подбородка:

«Тебе не понять. Отсутствие сердца не означает отсутствие эмоций. Я могу испытывать симпатию, мое сердце — или то, что его заменяет — может биться чаще, просто... хех».

[Просто что?]

«Это чувство не пускает корни. Оно не способно развиваться во что-то большее».

Он бросил это пояснение мимоходом. Плененный любовным испытанием на тысячу лет, Муюнь давно осознал свою проблему. Сколько бы он ни старался, его влюбленность никогда не перерастала в истинную любовь — она просто исчезала, не оставляя следа. Он смирился и перестал заглядывать в будущее.

Налюбовавшись президентом Цинем, юноша перевел взгляд на человека, стоявшего рядом.

Юй Шаонин. С его детским лицом и ямочками на щеках он был типичным «милым парнем», который обычно привлекал внимание окружающих. Но сейчас, рядом с Цинь Ли, директор Юй казался совершенно незаметным.

Разница в одежде превращала небольшой разрыв во внешности в непреодолимую пропасть. И дело было не только в природных данных: всё, что составляло безупречный образ Цинь Ли, было создано руками Чэн Муюня. Костюм был сшит на заказ по тем самым меркам, которые он лично выверял вместе с портными. Шелковый платок в нагрудном кармане он сам сложил и поправил сегодня утром. Когда мужчина поднял руку, чтобы проверить время, на его манжете блеснула запонка — изысканный изумруд в простой оправе, выбранный помощником Чэном в ювелирном магазине после долгих поисков. Каждая деталь подчеркивала благородство и статус владельца.

«Всё-таки у меня отменный вкус», — не без гордости подумал он.

[Еще бы, — съязвила Система. — Кто еще додумался превратить своего могущественного покровителя в куклу для переодевания.]

В этом была доля правды. Цинь Ли был человеком, сделавшим себя сам. Молодой гений из сферы технологий, он всего за десять лет вошел в списки богатейших людей страны. При этом он был холост, свободен и чертовски привлекателен.

Чэн Муюнь знал его семь лет. Когда они встретились впервые, Цинь Ли выглядел совсем иначе. Муюнь тогда еще учился, а будущего президента пригласили в университет выступить с речью как выдающегося выпускника. Увидев его на трибуне, студент замер. Первой его

мыслью было: «Как же он похож на него». Второй: «Боже, во что он одет? Такая внешность — и такой ужасный крой». В тот же день он поставил себе цель стать самым близким человеком для этого мужчины. Только так можно было получить возможность влиять на него.

«Я проделал колоссальную работу, — размышлял он, предаваясь воспоминаниям. — Превратить того Цинь Ли в этого — это ли не триумф?»

[Прошу вас, не выставляйте ваши отношения с «папиком» как некий бескорыстный творческий проект.]

«Изначально я и не планировал ничего «нечистого», — пожал плечами он. — Но потом понял: чтобы добиться идеального результата, нужно стать кем-то большим, чем просто стилистом. Ведь некоторые вещи...»

[Стоп! Дальнейшие подробности заблокированы цензурой.]

Чэн Муюнь усмехнулся и перестал дразнить Систему. Он вернулся к анализу ситуации. Сейчас должен был вернуться его друг детства, Сун Цзинчэнь. Понятно, почему Цинь Ли и Юй Шаонин здесь, и понятно, чем вызваны угрозы последнего.

Их дружба тянулась с самого детства — они вместе росли в одном дворе, ходили в одну группу детского сада и учились в одном классе до самого выпуска. Потом семья Сун Цзинчэня эмигрировала, а остальные остались в стране. Цинь Ли всегда был целеустремленным. Еще в университете он разработал программное обеспечение, принесшее ему первый капитал, а к окончанию вуза уже владел собственной компанией — классический путь «главного героя-гуна». Юй Шаонин после выпуска пришел к нему в отдел технических разработок. В их тесном кругу друзей у каждого была успешная карьера, и они регулярно собирались вместе.

Только Сун Цзинчэнь по особым причинам не возвращался более десяти лет, хотя связь с друзьями поддерживал постоянно.

Что же касается Чэн Муюня, его в этот круг никогда не принимали. Для них он всегда оставался лишь любовником, чьи отношения начались с постыдного контракта о содержании. Больше всех юношу ненавидел Юй Шаонин. Будучи человеком прямолинейным и отвечая за техническую часть в компании, он был вынужден постоянно пересекаться с ассистентом Чэном по работе. И чем больше они общались, тем сильнее Шаонина бесил этот холодный, расчетливый человек, который смотрел на него как на неразумное дитя.

Сейчас Юй Шаонин нервничал — собеседник так и не ответил на его сообщение. Неужели он не испугался угрозы? Если Сун Цзинчэнь вернется и увидит «замену» рядом с Цинь Ли, это может разрушить всё. Директор не хотел, чтобы многолетняя дружба пострадала из-за какого-то проходимца. Он снова открыл мессенджер.

— Ты пишешь Муюню? — внезапно спросил Цинь Ли.

Он заметил, что друг то и дело поглядывает в телефон, и мельком увидел знакомую аватарку. Это показалось ему странным — отношения между ними всегда были натянутыми.

Юй Шаонин вздрогнул, но быстро нашелся с ответом:

— Да так, хотел уточнить пару деталей по проекту. Кстати, у тебя же днем совещание. Неужели наш трудоголик решил его перенести?

— Муюнь всё уладил, — спокойно ответил президент Цинь. В его голосе чувствовалось безграничное доверие к своему помощнику.

Юй Шаонин непроизвольно нахмурился. Ассистент Чэн слишком глубоко внедрил в жизнь босса. То, что начиналось как простая сделка, переросло в нечто большее: Муюнь стал не просто любовником, но и личным ассистентом, взявшим на себя все заботы о делах и быте президента. Причем он никогда не требовал особых привилегий — его зарплата была такой же, как у рядовых сотрудников.

Друзья втайне обсуждали это и пришли к выводу, что Чэн Муюнь, должно быть, всерьез влюбился. Сначала его интересовали деньги, а теперь — сам Цинь Ли. Даже Юй Шаонин, увидев то злополучное фото, не сомневался в искренности чувств Муюня. Он просто решил, что сначала того привлекла внешность, а за годы совместной жизни преданность переросла в одержимость. Шаонин был в этом уверен — достаточно было видеть, с какой заботой тот относится к каждой мелочи, связанной с Цинь Ли.

Беда была в том, что Чэн Муюнь не знал главной тайны: в сердце Цинь Ли жил «Белый лунный свет» — Сун Цзинчэнь. Этот контракт был лишь попыткой найти обезболивающее, встретив кого-то, кто напоминал старого друга. Чистая сделка, лишённая чувств.

Юй Шаонин снова взглянул на экран. Там была переписка с Цзинчэнем. Тот возвращался ради Цинь Ли. Возможно, за годы, проведенные за границей, он повидал многое и перестал бояться чувств к мужчине. Теперь он решил ответить на многолетнее ожидание друга и рискнуть всем, вернувшись на родину. В любом случае Юй Шаонин считал, что Цзинчэнь — единственный, кто достоин быть рядом. Детская привязанность, проверенная годами разлуки, была в его глазах куда чище и благороднее, чем связь, купленная за деньги.

Нахмурившись, он набрал новое сообщение.

[Чэн Муюнь, пойми же наконец: если ты уйдешь сейчас, у тебя останется хотя бы тень достоинства.]